

173. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР с министром иностранных дел временного правительства Французской республики

7 декабря 1944 г.

Народный комиссар иностранных дел В. М. Молотов спрашивает министра иностранных дел Французской республики Ж. Бидо, успел ли он ознакомиться с проектом договора, который был ему вручен вчера.

Ответив, что французы успели перевести проект и ознакомиться с ним, Бидо говорит, что он как раз хотел бы об этом поговорить сегодня. Французы рассмотрели советский проект с симпатией и с интересом. Министр считает, что нет большой разницы между советским и французским проектами и что все пойдет хорошо. Министр говорит, что он хотел бы попросить у народного комиссара некоторых объяснений и высказать свою точку зрения.

Нарком отвечает, что он хотел бы прежде всего знать общую оценку проекта договора французской стороной.

Бидо говорит, что, как он считает, он уже высказал общую оценку проекта французами. Проект договора был рассмотрен с симпатией и с интересом. Бидо говорит, что его замечания будут замечаниями того же порядка, как и сделанные народным комиссаром в их предыдущей беседе.

Нарком спрашивает, не находит ли министр, что советский проект близок к тексту англо-советского договора 1942 г.

Бидо отвечает, что этот проект близок и к англо-советскому договору, и к французскому проекту франко-советского договора.

Нарком говорит, что вчера вечером после посещения театра вопрос о договоре обсуждался у маршала Сталина. В связи с этим он хотел бы спросить, не слышал ли когда-нибудь Бидо об идее заключения англо-советско-французского договора.

Нарком добавляет, что во время вчерашней беседы у маршала Сталина был затронут вопрос о таком тройственном договоре.

Бидо отвечает, что он ничего не слышал относительно этой идеи и что он лично думает, что было бы лучше подписать франко-советский пакт, а затем поставить вопрос об англо-советско-французском договоре.

Нарком говорит, что, как, вероятно, министру известно, между маршалом Сталиным и Черчиллем ведется личная переписка. Вчера ночью маршал Сталин знакомился со своей последней почтой, и в частности с последним письмом Черчилля. В этом письме Черчилль рассматривает вопрос о возможности заключения франко-советского пакта, но одновременно выдвигает и новые проблемы. Черчилль пишет, что было бы лучше иметь

трехсторонний пакт с любыми улучшениями по сравнению с англо-советским договором 1942 г. Нарком полагает, что Французское правительство будет придерживаться той же точки зрения. Маршал Сталин считает вполне приемлемой эту идею Черчилля и думает, что ее реализация была бы выгодной и нам, и Франции. Осуществление этой идеи сделало бы пакт более солидным. Вчера вечером в беседе с маршалом Сталиным генерал де Голль высказал мысль о блоке Париж – Лондон – Москва и о его преимуществах. Эта идея близка к идее Черчилля. Сталин считает идею Черчилля правильной.

Нарком говорит, что, как он полагает, принятие предложения Черчилля будет означать шаг вперед по пути к обеспечению прочного мира в Европе. Это было бы шагом вперед по сравнению с англо-советским или франко-советским договором.

Бидо отвечает, что французы не предвидели этого счастливого события. Они знали об англо-советском договоре и работали над созданием франко-советского договора, а затем предполагали заключить англо-французский договор. Таким образом, договоры франко-советский, франко-английский и существующий англо-советский составили бы три стороны треугольника. Бидо говорит, что он подумает над процедурой реализации идеи трехстороннего пакта.

Нарком говорит, что это можно сделать в ближайшее время, в ближайшие две недели. Нужно прежде всего подготовить это дело. Важно то, что эта идея нашла сочувствие в Париже, в Лондоне и Москве.

Бидо говорит, что у французов есть еще несколько небольших вопросов, которые нужно урегулировать с Англией. Дело в том, что французы не желали бы простого присоединения Франции к англо-советскому договору.

Нарком говорит, что идея трехстороннего договора имеет большое значение и каждая сторона имеет право высказать свои пожелания. Вместо того чтобы заниматься ныне пактом, который будет иметь меньшее значение, лучше заняться более ценным общим договором трех государств. Все пожелания об улучшении англо-советского договора будут выслушаны.

Бидо говорит, что все это приемлемо и даже желательно. Но он, Бидо, опасается, чтобы это решение не было истолковано как признак некоторой неполноценности Франции по отношению к двум другим державам, так как будут существовать англо-советский договор *и* тройственный договор, но не будет франко-советского договора. Лично он, Бидо, думает, что эта идея трехстороннего договора предпочтительнее других идей.

Нарком отвечает, что все участники договора будут иметь равные права.

Бидо спрашивает, заменит ли новый пакт англо-советский договор, или же он будет существовать рядом с ним.

Нарком говорит, что он полагает, что трехсторонний договор заменит старый англо-советский пакт.

Бидо говорит, что он еще не подготовился к обсуждению этой идеи.

Парком говорит, что идея эта обсуждалась вчера после встречи маршала Сталина с де Голлем, когда маршал Сталин знакомился со своей последней почтой, и эта мысль показалась выгодной и приемлемой.

Бидо говорит, что эта мысль интересна, но сейчас трудно решить вопрос при отсутствии третьей стороны.

Нарком советует Бидо подумать над вопросом реализации этого проекта и выражает надежду, что не понадобится много времени для того, чтобы осуществить этот проект.

Бидо спрашивает, будут ли, по мнению народного комиссара, использованы для трехстороннего обмена документами в связи с переговорами о новом пакте дипломатические каналы, или будет применен какой-то другой способ и будут использованы другие возможности.

Нарком отвечает, что Советское правительство ничем не связано в этом отношении.

Бидо говорит, что ему нужно посоветоваться с правительством п с его главой и выяснить материальные возможности решения этого вопроса. Надо подумать, как взяться за это дело, с тем чтобы благополучно его завершить. Далее Бидо говорит, что он был подготовлен к обсуждению сегодня советского проекта франко-советского договора и хотел сделать некоторые замечания, которые, вероятно, сейчас не представляют прежнего интереса.

Нарком говорит, что если министр хочет высказать свое мнение о советском проекте, то советская сторона будет рада выслушать его.

Бидо говорит, что прежде всего он отмечает, что статья 3 французского проекта по вопросу о создании международной безопасности перенесена в преамбулу. Французы не возражают против этого, но считали бы, что, во всяком случае, во французском переводе нужно было бы сказать не “готово сотрудничать”, а “решил сотрудничать”.

Нарком отвечает, что это не встретит возражений.

Бидо заявляет, что французы не возражают против снятия ссылки на договор 1935 г.

Бидо говорит далее, что он не имеет больше никаких замечаний относительно преамбулы и хочет перейти к статье 2 советского проекта.

Зачитав текст статьи 2 в советской редакции, Бидо говорит, что такая редакция дает возможность для двусмысленного толкования. В статье 2 говорится, что

договаривающиеся стороны не будут вступать в сепаратные переговоры или заключать без взаимного согласия перемирие или мир ни с гитлеровским правительством, ни с каким-либо другим правительством Германии, созданным с целью продолжения или поддержания политики германской агрессии. По мнению французской стороны, такая формула позволяет предполагать, что Франция и Советский Союз могут вести сепаратные переговоры или заключать сепаратные соглашения с таким германским правительством, которое не будет продолжать или поддерживать политику германской агрессии. Поэтому Франция желала бы после слов “не согласится вступать в сепаратные переговоры” добавить слова “с Германией”.

Нарком отвечает, что с этим можно согласиться и что советская сторона не имела в виду создать здесь возможность двусмысленного толкования.

Бидо говорит, что он констатировал, что исчезли статьи 3 и 7 французского проекта. В статье 7 шла речь о том, что обе стороны приступают к переговорам в целях заключения отдельных соглашений, для того чтобы сделать более тесными взаимоотношения между Францией и Советским Союзом.

Нарком отвечает, что советская сторона была бы готова обсудить любой проект соглашения с Францией и что Советское правительство никогда не отказывалось рассмотреть такие проекты соглашения, но эта статья не является необходимой.

Далее Бидо говорит, что констатирует снятие статьи 9 французского проекта.

Нарком говорит, что франко-советский пакт 1932 г. в настоящее время неприемлем.

Бидо говорит, что, по мнению французов, договор 1932 г. всегда действовал, поскольку речь шла о ненападении и поскольку он не был денонсирован.

Нарком говорит, что мы в настоящее время считаем этот договор пережитком прошлого.

Бидо говорит, что он предложил упомянуть договор 1932 г., не приводя его полного названия.

Нарком говорит, что даже простое упоминание об этом пакте для нас неприемлемо.

Бидо говорит, что он не хочет сказать, что этот договор следует понимать в духе того, что произошло после 1932 г., но в нем есть полезные статьи, например статья 4, в которой говорится:

“Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуется в течение действия настоящего договора не участвовать ни в каком международном соглашении, которое имело бы практическим последствием запрещение покупки у Другой Стороны, или продажи

ей товаров, или предоставления ей кредитов, и не принимать никакой меры, которая имела бы последствием исключение Другой Стороны из всякого участия в ее внешней торговле”.

Нарком спрашивает: разве ради этой статьи французы хотят сохранить договор 1932 г.? Ведь это не главная статья договора.

Бидо говорит, что основной статьей договора является 5-я.

Нарком указывает, что статья 5 является отголоском взаимной подозрительности.

Бидо говорит, что Французское правительство не считает эту статью обязательно необходимой. Однако оно желало бы обменяться, может быть в будущем, соответствующими заверениями, учитывая разницу режимов во Франции и в Советском Союзе. Главная же забота Французского правительства – это обеспечение мира в Европе, и все остальное должно быть подчинено этой задаче.

Нарком говорит, что Советское правительство в настоящее время не согласилось бы подписать договор с такой статьей.

Бидо говорит, что подобная статья существует в советско-чехословацком договоре.

Нарком отвечает, что он считает, что лучше нам иметь пакт с Францией типа англо-советского пакта, чем советско-чехословацкого. Это больше подходило бы к отношениям между нашими государствами. Дело идет о великих державах, а Чехословакия не является великой державой. Чехи нас просили включить в договор подобную статью, и мы на это пошли. Нарком выражает надежду, что это не помешает Советскому Союзу и Франции иметь хорошие отношения с Чехословакией.

Бидо говорит, что у него нет возражений по структуре пакта и что он не считает имеющими особое значение свои замечания по поводу статьи о невмешательстве во внутренние дела.

Нарком говорит, что он принимает к сведению слова министра.

Бидо спрашивает: чем же теперь становится переданный вчера французам текст проекта договора? Останется ли этот текст архивным документом?

Нарком говорит, что идея трехстороннего договора предложена Черчиллем и была одобрена маршалом Сталиным. Вероятно, эта идея будет одобрена и де Голлем.

Бидо спрашивает: когда же мы начнем новое дело?

Бидо спрашивает: не следует ли дополнить франко-советский договор статьей 9, в которой можно было бы написать, что в скором времени этот пакт будет дополнен трехсторонним пактом?

Нарком говорит, что в таком случае это будет не на двадцать лет, а на двадцать дней.

Бидо говорит, что он надеется еще увидиться с народным комиссаром для того, чтобы обсудить с ним ряд текущих вопросов.

Нарком отвечает, что он рад будет встретиться с Бидо, и спрашивает, не имеет ли Бидо ответа по польскому вопросу, затронутому в их прошлой беседе.

Бидо отвечает, что, по его мнению, де Голль во вчерашней беседе с маршалом Сталиным дал ответ на этот вопрос.

Нарком спрашивает, будет ли дан более конкретный ответ. Бидо говорит, что он не совсем понимает, что значит более конкретный ответ.

Нарком спрашивает, состоится ли обмен представителями между Францией и Польшей.

Бидо отвечает, что он не хотел бы связывать вопрос о заключении договора с другими вопросами. Он считает, что вопросы, не касающиеся договора непосредственно, могут быть урегулированы в будущем.

Гарро говорит, что недавно французское посольство получило письмо от представительства Люблинского комитета в Москве. В этом письме делается ссылка на разговор с Гарро и содержится уведомление о назначении польского делегата в Париж.

Нарком спрашивает, состоится ли обмен официальными представителями между Францией и Польшей.

Бидо говорит, что Франция питает традиционные чувства дружбы к Польше и хочет, чтобы Польша была сильной, независимой и находилась в тесных отношениях с Россией. Положение Польши не является хорошим, и французы ставят себе задачей постараться, чтобы оно стало лучше. Польша должна быть, бесспорно, независимой, должна иметь тесные связи с Россией и дружбу с Францией. Первостепенный интерес Франции к Польше объясняется тем, что во Франции находится много поляков и что у Франции существуют давнишние связи с Польшей. Однако Французское правительство не хотело принимать немедленно меры, которые оторвали бы его от его союзников, и оно не хочет принимать такие меры, которые не были бы поняты общественным мнением той части поляков, которая находится во Франции. Кроме того, Французское правительство не хотело бы занимать позицию, отличную от позиции союзников.

Нарком заявляет, что он информирует маршала Сталина о беседе с Бидо.

Бидо говорит, что было бы небесполезно еще раз встретиться, для того чтобы выяснить некоторые вопросы. В частности, он, Бидо, хотел бы изложить позицию Франции в отношении такого важного для нее вопроса, как вопрос о границе на Рейне, а также затронуть некоторые технические вопросы.

Нарком отвечает, что он будет рад видеть Бидо и обменяться с ним мнениями.

Бидо говорит, что сегодня вечером или завтра утром он попросит приема у народного комиссара.

С французской стороны на беседе присутствовали также Р. Гарро и М. Дежан.

В. Молотов

СФОР, II, С. 185–191